

Ирен Софи

**СЕРДЦЕ,
РАЗБИТОЕ НА ДВОИХ**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
С68

Софи И.

С68 Сердце, разбитое на двоих / Ирен Софи – М.: Литнет, 2026. – 138 с.

ISBN 978-5-521-99153-2

Меня выдернули из моего мира в чужой, где правят драконы, где золото ценят выше жизни, а король может взять всё, что захочет. Я думала, что самое страшное — стать его женой против воли. Что самое унижительное — быть нужной только для наследника. Я ошибалась. Самое страшное — начать отвечать на его прикосновения. Самое унижительное — ловить себя на том, что ждёшь его по ночам. Я люблю эльфа, который ждал меня семьсот лет. Но когда дракон смотрит на меня, у меня подкашиваются колени. Он взял меня силой. Запер в золотой клетке. Разбил моё сердце. Так почему же сейчас, когда я свободна, я смотрю не вперёд — а назад? Туда, где золотые шпильки пронзают облака. Где на разбитой двери до сих пор его следы. Где он сказал, что без меня задыхается.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99153-2

© Литнет, 2026
© И. Софи, 2026

Глава 1

Диана

Я сбежала с корпоратива в туалет. Не потому что нужно было поправить макияж. Макияж давно растекся, пока я зачем-то пила третий бокал шампанского, хотя шампанское ненавижу. Просто захотелось посидеть на крышке унитаза в полной тишине и подумать: какого черта я вообще сюда пришла? Из кабинки пахло хвоей – освежитель «Лесная свежесть», дешевый, приторный. Я смотрела на свои туфли. Лодочки, бежевые, купила на распродаже, жмут в подъеме, но красивые. Три часа назад они еще казались мне удачной инвестицией в «выйти в люди». Сейчас напоминали, что ноги отекают к вечеру, а красивое – почти всегда синоним неудобного.

Снаружи музыка долбила в стену басами. Кто-то визгливо хохотал – кажется, Ленка из расчетного отдела, у нее такой смех, будто стекло бьется. Наш начальник, дядька лет пятидесяти с обручальным кольцом, уже час пытался усадить ее к себе на колени. Ленка жеманилась, но явно была не против. Я сидела на унитазе и думала: когда это стало нормой? Когда мы перестали замечать, что взрослые люди ведут себя как подростки на дискотеке?

Я достала телефон. Экран вспыхнул в темноте кабинки. 23:47. Сообщений: 0. Пропущенных: 0. Я специально оставила его в сумке, чтобы не проверять каждые пять минут. Чтобы не видеть пустоту. Глупая надежда, что кто-то напишет. Любой знак, что я кому-то нужна в этом мире не для отчетов и квартальных планов. Никто не написал. Я убрала телефон. Я вдруг остро, почти физически ощутила, как сильно устала. Устала быть удобной. Устала улыбаться, когда внутри пустота. Устала приходить в пустую квартиру, разогреть ужин в микроволновке и есть перед телевизором, где кто-то на экране любит, страдает, живет – а я просто существую.

Последний раз у меня был секс год назад. Я даже не сразу вспомнила, когда именно. Перебирала в памяти: лето? Осень? Ах да, июль. Игорь, старший менеджер, разведенный, скучный. Встретились после работы, выпили вина, поехали к нему. В постели он старался, но как-то механически, будто выполнял норматив. Минуты три прелюдии, пять минут основного действия, поцелуй в плечо и «мне завтра рано вставать». Я лежала рядом, смотрела в потолок и думала: «Это все?» Утром он сделал кофе. Спросил, позвоню ли. Я ответила «да». Не позвонила. Он тоже. Я даже не расстроилась. Просто добавила его в список «людей, с которыми у меня ничего не вышло». Список этот, если честно, давно напоминал телефонную книгу. Из туалета пришлось выйти. Ленка начала барабанить в дверь: «Диана, ты там уснула?»

Я не помню, в какой момент решила сбежать. Кажется, когда Костя из IT-отдела начал рассказывать, как он съездил в Таиланд и там такие девушки, что «просто пушка, но ты понимаешь, это же тайки, все за деньги». Он смотрел на меня, когда это говорил. Проверял, наверное, пойму ли я намек. Я отвела взгляд, и он тут же переключился на Веронику из бухгалтерии – та была пьянее и смеялась громче. Я вдруг отчетливо поняла: еще час здесь – и я начну кидаться на всех. Подошла к вешалке, накинула пальто. Стащила с тарелки бутерброд с икрой – просто чтобы не уходить голодной. Икра оказалась резиновой, хлеб черствым. Я быстро съела его и вышла в коридор. Никто не заметил. Никто не окликнул: «Ты куда?»

Дверь ресторана захлопнулась за мной, отрезая басы, смех, запах дешевого парфюма и жареного мяса. На секунду стало так тихо, что заложило уши. Был ноябрь. Точнее, уже почти декабрь, но снег все не выпадал, только дождь. Холодный, противный, косой. Он бил по лицу, затекал за воротник. Я подняла голову к небу – черному, беззвездному, тяжелому – и почему-то улыбнулась. Свобода.

Я могла вызвать такси, доехать до дома за пятнадцать минут, забраться под одеяло с чаем и уснуть. Правильный, взрослый, ответ-

ственный поступок. Но я пошла пешком. Город ночью – странное место. Днем он суетится, дышит в спину, толкает локтями. А ночью замирает, будто притворяется спящим, но на самом деле следит. Фонари горят, витрины закрыты ставнями, в окнах верхних этажей то тут, то там мерцает синий свет телевизоров – люди смотрят что-то, едят, живут.

Я шла по проспекту, потом свернула во дворы. Здесь было тише. Мокрый асфальт блестел под ногами, в лужах отражались желтые пятна фонарей. Я наступила в одну – нарочно, чтобы испортить туфли. Вода хлынула через край, носок промок. Я почувствовала почти злорадное удовлетворение. Вот вам, лодочки. Вот вам, бежевые. Не жмут больше. Я шла и думала. О том, что мне двадцать четыре. О том, что в моем паспорте штампов нет, в кредитной истории – долг за учебу, в жизни – работа, которая не вдохновляет, квартира, которая не чувствуется домом, и отношения, которые заканчиваются раньше, чем начинаются. О том, что я ни разу не влюблялась по-настоящему.

Были симпатии, увлечения, короткие романы на пару месяцев. Было «ну вроде неплохой парень, попробуем». Было «мы не подходим друг другу». Было «извини, это не ты, это я». Последнее чаще всего. Я думала: может, со мной что-то не так? Может, я просто не умею любить? Или умею, но никто не заслужил? Или заслужил, но я боюсь?

Фонари кончились. Я не сразу заметила, что двор стал темнее. Просто подняла голову и поняла: следующий фонарь метров через сто, а пока – только лужи, отсвечивающие далеким желтым. И тишина. Я остановилась. Прислушалась. Где-то далеко проехала машина. Где-то хлопнула дверь. А здесь, в этом дворе, между панельных девятиэтажек, было пусто. И тогда я услышала шаги.

Сначала я подумала: показалось. Я иногда слышу то, чего нет. Когда идешь одна по темной улице, мозг дорисовывает опасность. Это эволюция, инстинкт самосохранения. Я читала об этом. Шаги

стихли. Я выдохнула, пошла дальше. Они возобновились. Быстрее. Ближе. Я не обернулась. Нельзя показывать страх, нельзя ускорять шаг – хищник чувствует панику. Тоже читала где-то. Или в кино видела. Сжала ключи в кармане. Один длинный, острый – им можно поцарапать. Теоретически. На курсах самообороны я была один раз, три года назад, и запомнила только, что бить надо в глаз и пах. Все остальное вылетело из головы.

– Девушка.

Голос сзади. Негромкий, спокойный. Почти дружелюбный. Я не остановилась. Не обернулась.

– Девушка, вы телефон не теряли?

Мой телефон был в кармане. Я чувствовала его тяжесть через пальто. Но на секунду, на долю секунды, я замешкалась. Может, выпал? Может, я не заметила? Обернулась. Он стоял в двух метрах. Среднего роста, неприметный. Куртка, темная, дешевая. Вязаная шапка надвинута на глаза, но я все равно не запомнила бы лица. Такие лица не запоминаются.

– Я ничего не теряла, – сказала я. Голос дрогнул.

– А мне показалось, теряли, – он улыбнулся.

Зубы ровные, белые. Хороший улыбчивый парень. Только глаз я не видела.

– Всего доброго, – я развернулась и пошла.

Быстро. Очень быстро. Почти бегом. Шаги сзади ускорились.

– Эй, погоди. Я же помочь хочу.

Я побежала. Он догнал меня через полминуты. Я никогда не была спортсменкой. На физкультуре в школе меня брали в команду последней, на беговой дорожке в зале я сдыхала через пять минут. Каблуки, мокрый асфальт, тяжелое пальто – у меня не было шансов. Он схватил меня за плечо, развернул, толкнул к стене.

– Ты чего бежишь, дура? Я ж по-хорошему.

Затылок ударился о кирпич. В глазах вспыхнуло белое. Я вскрикнула – он зажал мне рот ладонью. Забилась, попыталась ударить

ключами – он перехватил запястье, вывернул, ключи звякнули об асфальт.

– Тихо-тихо, – прошептал он мне в ухо. – Не надо шума. Я тебя не убью, если не будешь дергаться.

Я дергалась. Он ударил меня по лицу. Не сильно – так, чтобы приструнить. Голова мотнулась, щеку обожгло. Я замерла.

– Вот так, умница, – его рука поползла вверх по бедру, задирая подол платья.

Я смотрела на небо. Черное, беззвездное, тяжелое. Я думала: сейчас это случится. Прямо здесь, на грязном асфальте, у стены панельной девятиэтажки, где в окнах горит синий свет телевизоров и никто не выглянет, потому что все смотрят свои передачи и никто не смотрит вниз. Я думала: мне двадцать четыре, я ни разу не была по-настоящему влюблена, я никому не сказала сегодня ни одного доброго слова, и если я умру прямо сейчас – в мире ничего не изменится. Он расстегивал пуговицы на моем пальто. Торопился, злился, что пуговицы не поддаются. Матюгнулся, рванул ткань. Я слышала, как трещат нитки. И вдруг перестала чувствовать страх. Страх ушел – резко, будто его выключили. Осталась пустота. И злость. Я посмотрела на него – прямо, не отводя глаз.

– Ты пожалеешь, – сказала я. Тихо, спокойно.

Он замер. На секунду в его взгляде мелькнуло что-то похожее на недоумение.

– Чего?

– Ты. Пожалеешь.

Он рассмеялся. Коротко, нервно.

– Да ну? Кто меня заставит? Боженька?

И тогда я почувствовала это. Жар. Он пришел из ниоткуда – не изнутри, не снаружи, а словно сама реальность истончилась в одной точке и сквозь нее хлынуло пламя. Воздух дрогнул.

Маньяк замер. Его руки, уже почти добравшиеся до моего белья, вдруг разжались. Он смотрел не на меня. Он смотрел в сторону.

Я взглянула туда же. Там стоял он. Я не сразу поняла, что это человек. Вернее, я поняла, что это не человек – слишком поздно, когда уже не могла отвести взгляд. Он был красив. Я не люблю это слово. Но другого не было. Он был красив той красотой, от которой перехватывает дыхание и хочется смотреть еще, еще, пока не заболит в глазах.

Волосы – светлые, почти белые, длинные, рассыпаны по плечам. В них запутались капли дождя и горели, как маленькие алмазы. Лицо – тонкое, острое, с высокими скулами и четкой линией челюсти. Глаза – я не могла разобрать цвет, но они светились. Он был босой. Стоял на мокром, ледяном асфальте босиком, в тонкой белой рубашке, которая прилипла к телу и почти не скрывала ничего. Я видела очертания груди, мышц, темные круги сосков под тканью. Он дрожал? Нет. Он не дрожал. Он смотрел на меня, и в его взгляде было что-то, от чего у меня перехватило горло. Он смотрел так, будто искал меня всю жизнь.

– Ты, – сказал он.

Голос низкий, сломанный. Будто он долго молчал и забыл, как говорить.

– Ты.

Он сделал шаг ко мне. Маньяк вдруг ожил. Отшатнулся, вскинул руки – то ли защищаясь, то ли собираясь напасть.

– Ты кто такой? Вали отсюда, это моя телка!

Он даже не посмотрел на него. Поднял руку – небрежно, почти лениво – и маньяка отбросило к стене. Я услышала хруст. Насильник просто сполз по стене и замер.

– Ты, – повторил незнакомец.

Вблизи его глаза оказались серебряными. Не серыми, не голубыми – именно серебряными, как расплавленный металл. По краям зрачков пульсировало золото.

– Я искал. Вечность. Прости, у нас мало времени, – он протянул руку.

Я смотрела на его пальцы – длинные, тонкие. На запястье пульсировала голубая вена. Он был живой. Настоящий. Не галлюцинация.

– Кто ты? – спросила я.

– Тот, кто не опоздал, – он улыбнулся.

И у меня внутри что-то оборвалось. Будто я всю жизнь ждала эту улыбку, это лицо, эти глаза – и вот они пришли, а я стою в грязном переулке с разорванным пальто и не знаю, что делать.

– Идем, – сказал он.

Я взяла его за руку. Вспышка. Она обожгла веки, проникла под кожу, растеклась по венам жидким огнем. Я зажмурилась. Когда открыла глаза, переулочка не было. Был сад. Я стояла по колено в траве, которая светилась голубым. Надо мной нависали деревья с серебряными листьями, и листья эти звенели на ветру – тонко, стеклянно, как тысячи крошечных колокольчиков. В воздухе пахло медом и дымом. Я отпустила его руку.

– Где я?

– Дома, – ответил он.

Он смотрел на меня. Все так же – жадно, неотрывно, будто боялся, что я исчезну.

– Твои волосы, – сказал он. – Твои губы. Твои руки. Я видел тебя во сне тысячу раз. Ты всегда уходила, не оборачиваясь.

Я не знала, что ответить. Я стояла в чужом мире, в разорванном пальто и промокших туфлях, и смотрела на мужчину, который спас меня от насильника, перетащил через реальность и теперь говорил такие вещи, от которых у меня подкашивались колени.

– Ты напугана, – сказал он. – Ты не понимаешь, где ты и кто я. Позволь мне помочь тебе. Позволь мне залечить твои раны. Позволь мне доказать, что ты не просто сон.

Он протянул руку и коснулся моей щеки. Той самой, куда ударил маньяк. Я думала, там остался синяк. Должен был остаться – он ударил сильно, с разворота. Но пальцы незнакомца скользнули по коже – и боль ушла. Растворилась. Вместо нее пришло тепло. Я закрыла глаза.

– Как тебя зовут? – спросила я.

– Лериан, – ответил он.

Я открыла глаза.

– А меня Диана.

– Я знаю, – сказал он и улыбнулся. – Я всегда знал.